

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕМУАРНОГО ДИСКУРСА: КОНЦЕПТ «ТЬМА»

Использование концептов «свет» и «тьма» в аксиологических целях имеет давнюю традицию. Так, «свет» в Библии служит символом веры, знания, премудрости, чистоты жизни, вечной святости, радости, доброты, истины; сам Бог именуется светом: Напротив, концепт «тьма» символизирует понятия ада, геенны, апокалипсиса, греха, искушения, лицемерия, ненависти, страха, лжи, черной злобы, незнания, смерти. Эти концептополя чрезвычайно объёмны и базируются на сложных ассоциативных связях [1, 143].

Тексты русской литературы содержат немало фактов, свидетельствующих об аксиологической функции концептов «свет» и «тьма», что подтверждается как художественными текстами, так и литературой non fiction.

Non fiction – литература факта, «непридуманная» литература, в первую очередь, записки, мемуары, дневники и т.п. Существует мнение, что литература, основанная на художественном вымысле, в постмодернистской парадигме потеряла главенствующее место или даже окончательно «девальвировалась», уступив место non fiction как новому типу прозы, открытой для смежных жанров: эссе, путевому очерку, документальному повествованию, литературно-философскому трактату, эпатажной исповеди – всему тому, что можно обозначить как жизнетекст. В мемуарах, как и во всём корпусе текстов non fiction, наблюдается диалектическое взаимодействие двух начал – документального отражения истории и её художественного моделирования. Нарратор-документалист подвергает действительность авторской интерпретации. В этом смысле автор, по мнению М.М.Бахтина, является «человеком, организующим формально-содержательный центр художественного видения», причем мир художественного видения «есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение: мы видим, как вокруг него становятся художественно значимыми предметные моменты и все отношения – пространственные, временные и смысловые» [2, 172].

Ранее мы обращались к рассмотрению структуры мегаконцепта «свет» и отмечали возможность выявления в его структуре субконцептов и смысловых квантов [3, 102], представляющих собой смысловую кумуляцию, а не простой инклюзив [4, 280-281]. Аксиологическая значимость концептов «свет» и «тьма» позволяет считать их важнейшими компонентами культурно-языковой ноосферы [5].

Записки и мемуары позднесоветского и постсоветского периода обращены к анализу трагических событий недавней истории. Историческое самосознание личности, являющееся жанрообразующим признаком мемуаристики, требовало экспликации в мемуарном дискурсе. Литература факта в полной мере отвечала этому требованию, поскольку мемуары – «акт осознания себя в потоке истории» [6, 342].

Эпоха сталинизма осознавалась как «погружение во тьму», время немоты, бесправия, лжи. Период такого осмысления был недолгим: он ограничился рамками исторического момента, когда в мемуарном дискурсе осуществилось совпадение потребности нарраторов и социума в целом – потребности в правдивом и свободном слове, в том, чтобы *пролить свет* на темные стороны недавней истории. Ключевыми словами общественного сознания стали *историческая правда, гласность* и т.п. В короткий срок в общественно-политическом сознании произошла фразеологизация словосочетания *ужасы сталинизма*.

Сходную роль выполнял поток «возвращенных» книг (в несколько более ранний период – поток там- и самиздатской литературы): *вытащить на свет Божий правду* <о преступлениях режима>. Можно указать на текстообразующую роль лексики поля «тьма» в «Реквиеме» Анны Ахматовой, в повести Лидии Чуковской «Софья Петровна» и ряде других

художественных текстов; так, финальная сцена текста Чуковской – сжигание письма и *растоптывание огня*. Поскольку речь идет о метафизическом ослеплении героини, огонь является символом *света*; уничтожение источника света, «погружение во тьму» полностью соответствуют представлению о трагических событиях эпохи.

В сознании нарраторов находит широкое отражение прежде всего лексика концептосферы «тьма» и лишь отчасти – в противовес «тьме» – концептосферы «свет». Большая часть документальных свидетельств исполнена драматизма, поэтому концептосфера «тьма» расширяется за счет знаковых наименований эпохи. Это лексика, связанная с невозможностью свободно мыслить и говорить, – *безгласие, молчание, отсутствие гласности, предательство* и др., с действиями карательных органов – *аресты, допросы, застенки, тюрьмы* и другие замкнутые пространства, в которых творится зло, – *зоны «черный люк»* (место казни), *смерть* и т.д.

Концептуальная система, как и любое системное образование, предполагает не только взаимосвязь (взаимодействие) элементов и наличие оппозиций, но и нейтрализацию оппозиций как важнейшего системообразующего фактора. Анализ концептосфер «свет» и «тьма» показал наличие компонентов-продуктов этой нейтрализации в кругу понятий, входящих в социальное знание. Для советского социума значимыми понятиями были «ложь» и «страх», породившие социальную мимирию, которая стала нормой и, в свою очередь, породила существование амбивалентных, нейтрализованных понятий в кругу рассматриваемых концептосфер. Это нашло отражение в документальных свидетельствах эпохи. Мимирия проявляется в развертывании сценариев и в перформансе, что широко представлено в книгах Л. Чуковской, А. Солженицына, В. Войновича и др.

«Записки незаговорщика» Е.Г. Эткинда – документ более позднего времени, ставшего «правопреемником» сталинской эпохи. Внутренняя амбивалентность, заключенная в заголовке, связана с тем, что *заговорщик* участвует в *тайном* (= *тёмном*) соглашении. *Записки заговорщика* – устойчивая формула русской мемуаристики и аналитических статей, связанных с мемуарным текстом; так, русский перевод известных мемуаров Г.Б. Гизевиуса «До горького конца» – «*Bis zum bitteren ende*» – получил подзаголовок «записки заговорщика». Однако Эткинд – не заговорщик, он «незаговорщик»: филолог, профессор, интеллигент, далекий от политики, от темных дел и заговоров. Заголовок, таким образом, наделяет текст определенными характеристиками, создает установку для интерпретации текстового материала и служит первым герменевтическим указателем для реципиента, включая элемент иронии и авторской самоиронии.

Поскольку речь в повествовании идет не о самых страшных временах советской истории, в концепте «тьма» актуализируется понятийная составляющая, связанная с ложью. *Тьма* и *ложь* выступают как изоконцептуальные понятия, и рассматриваемая концептосфера приобретает примерно следующие очертания: тьма – ложь – показуха – фальсификация – обман – тайна, притворство – молчание:

Прошло время, когда можно было душиить в темноте, убивать безнаказанно; Недавно, в 1974 году, он <Бердников> выпустил в свет биография Чехова. Стоял 1949 год. Нас уничтожали в темноте, в безмолвии. Воеводин просчитался: он рассчитывал на прошлое безмолвие, а время наступило другое. Помните, вы, еще не прошедшие испытаний, вы, которых в кабинетах с дубовыми панелями будут склонять на погромные выступления <...>: вам не удастся уйти в темноту. Наступила пора гласности. Знает ли читатель, что такое – «показуха»? Она во всем <...>. В Ленинграде, в одном из самых уважаемых институтов с именем Герцена на фронтоне, сидят в полумраке старые (большинство были старики), скучные и злые люди и <...> несут злобную, серую чушь.

Нетрудно заметить, что это ключевые понятия общественного сознания эпохи застоя в целом.

В тексте записок с ассоциативно-семантическим полем «ложь, притворство, фальсификация» связано поле, вербальными репрезентантами которого служат *сценарий* и *режиссура*: нарратор убежден, что, помимо его воли, он вовлечен в разыгрывание сценария с

большим количеством участников, каждый из которых лжет, притворяется, фальсифицирует истину: *Как создается сценарий и каковы правила постановки – все это давно известно. О талантливом и добросовестном исследователе, популярном лекторе, порядочном человеке, придется говорить как о шарлатане, тунеядце, мракобесе. Я понял, что спектакль «гражданской казни» затеяли в два действия. Ясно одно: украшать задуманный ими спектакль своим участием не следует... Лгать в ответ – мерзко. Говорить правду – бессмысленно. Мы расходились, подавленные произволом грубой силы, ощущением бесправия, цинизмом судебного спектакля. Третье институтское заседание было подготовлено лучше других, допускавших импровизацию. Здесь роли распределены заранее.*

Далее, ключевое слово-имя концепта «тьма» является словом-стимулом для текстовой лексико-тематической группы «средневековье». Эта группа репрезентируется следующим образом: феодализм (феодал, вассал, сюзерен, тиран) – мракобесие – средневековая мрачность:

Этот особый феодально-психологический комплекс – соединение бесправия и власти – характерен для значительной части советских директоров, каждый из которых одновременно и вассал, и тиран. И это был единственный момент веселья посреди средневековой мрачности, царившей в конференц-зале.

Вокруг концепта «тьма» как «центра субъективных конденсатов смысла» (Ю.Н.Караулов) организуется также ассоциативно-семантическое поле «страх», концептуально значимое для социума в целом:

Какое чувство сильнее, стыд – или страх? Что возьмет верх, совесть – или инстинкт самосохранения? Почему на ученом совете никто не задал ни одного вопроса? На этот же <вопрос> отвечаю сразу: Из-за ледящего душу, парализующего язык и мысли, привычного и неодолимого, постыдного и грозного страха (выделено автором – Н.О.). А если бы в бюллетене было: согласен или несогласен – расстрелять? Или – четвертовать, колесовать, утопить? неужели и в таком случае страх оказался бы сильнее совести? Опыт десятилетий говорит: да. Страх сильнее – сильнее всего: чести, совести, личных симпатий, порядочности, интеллигентности.

Наконец, концепт «тьма» актуализируется в поле антисемитизм, что также связано с одной из дискурсивных линий «Записок незаговорщика».

Термин «гласность» (в противоположность безгласию, молчанию, лжи), актуализированный в тексте «Записок...» (события 1974 года), Игорь Дедков использует десятью годами позднее в замечаниях по поводу афганской войны. Отмечается сходное развертывание лексико-семантических ассоциаций: «Темь и тайна, в которую погружены наши потери, – наше несчастье, – говорят о том, что это нечистое дело боится света и гласности» («Из дневниковых записей 1983-1984 годов»).

Устойчивость концептополей свет/тьма – не только атрибут времени, но проявление контрастивной концептуализации социума; в 1994 году менее известный мемуарист И. Клейман завершит свои скорбные «Воспоминания в письмах» надеждой: *Нужен перелом, и он будет <...>. Потому что свет сильнее тьмы, правда сильнее лжи, любовь сильнее ненависти, жизнь сильнее смерти.* Перспективность дальнейшего изучения этих ментальных образований – в их неисчерпаемой смысловой ёмкости, роли в языковой (когнитивной) картине мира и лексической организации разножанровых текстов, значимости для филологического анализа текста [7].

Литература

1. Орлова Н.М. Свет vs тьма: развитие и взаимодействие библейских концептосфер света и тьмы // Современная филология: теория и практика: материалы XIX междунар. науч.-практ. конф. – М.: Науч.-инф. изд. центр «Институт стратегических исследований», 2015. – С. 143-148.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 424 с.
3. Орлова Н.М. Светлое будущее: из истории фразеологизма и концепта // Научное обозрение: гуманитарные исследования – М.: ИД «Наука образования». – 2015. – № 4. – С. 102-108.

4. Орлова Н.М. «Мир светел»: к изучению структуры мегаконцепта СВЕТ// Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е.Гольдина. – Москва-Саратов: ИД «Наука образования», 2015. – С. 280-286
5. Орлова Н.М. Культурно-языковая ноосфера и наука о языке: концепт «свет» // Ноосферное образование в евразийском пространстве. – СПб.: «Астерион», 2015. – С. 346-360.
6. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: сб. статей – Л.: Худож. литература, 1986. – 453 с.
7. Дмитриева О.И., Орлова Н.М., Прокофьева Л.П., Романенко А.П., Хромова С.А. Речеведение. Учебное пособие. Под общ. ред. О.И.Дмитриевой. – Саратов: Наука, 2009. – 226 с.